
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВОПРОС С ПРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ¹

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич, философ и публицист (1853 – 1900)

I

Если бы люди и народы научились ценить чужие национальные особенности как свои собственные, если бы, далее, в каждом народе преступные личные элементы были по возможности исправлены перевоспитанием и разумной опекой с полным упразднением всех остатков уголовной свирепости — этим нравственным решением вопроса национального и вопроса уголовного не была бы еще устранена важная причина и народной вражды, и преступности — причина экономическая. За что американцы главным образом ненавидят китайцев? Конечно, не за их косы и не за мораль Конфуция, а за опасное соперничество в области материального труда. То, за что преследуют китайских рабочих в Калифорнии, за то же самое бьют итальянцев в южной Франции, Швейцарии, Бразилии. И точно так же движение против евреев, каковы бы ни были его глубочайшие причины, явную опору и видимое объяснение находит в соображениях экономических. Что касается до личной преступности, то она хотя и не рождается, но по большей части питается и поддерживается средой нищеты, чрезмерного механического труда и неизбежного в этой среде одичания, так что и самые разумные и человеколюбивые пенитенциарные воздействия на личность отдельных преступников в общем оказались бы малоуспешными. Это дурное воздействие экономических условий современного человечества на состояние национального и уголовного вопроса зависит, конечно, от того, что это положение само по себе страдает нравственным недугом. Его ненормальность обнаруживается в самой экономической области, поскольку здесь все более и более выступает вражда общественных классов из-за имуществ, грозящая во многих странах Западной Европы и Америки открытой борьбой не на жизнь, а на смерть.

Для человека, стоящего на нравственной точке зрения, так же невозможно принимать участие в этой социально-экономической вражде, как и во вражде между нациями и племенами. И вместе с тем невозможно для него оставаться равнодушным к материальному положению его ближних. Если элементарное нравственное чувство жалости, получившее свою высшую санкцию в Евангелии, требует от нас накормить голодного, напоить жаждущего и согреть зябнувшего, то это требование, конечно, не теряет своей силы тогда, когда эти голодные зябнувшие считаются миллионами, а не единицами. И если я *один* этим миллионам помочь не могу, а, следовательно, и не обязан, то я могу и обязан помогать им *вместе с другими*, моя личная обязанность переходит в собирательную — не в чужую, а в мою же собственную, более широкую, обязанность, как участника в собирательном целом и его общей задаче. Сам факт экономических бедствий есть свидетельство, что экономические отношения не связаны прочно с началом добра, не организованы нравственно. Целая мнимонаучная школа экономических анархистов-консерваторов прямо отрицала и еще отрицает хотя без прежней самоуверенности, всякие этические начала и всякую организацию в области хозяйственных отношений, и ее господство немало способствовало возникновению анархизма революционного. С другой стороны, многочисленные разновидности социализма не только радикального, но и консервативного, более обнаруживают присутствие болезни, нежели представляют действительные средства исцеления.

---

¹ Глава шестнадцатая из книги Соловьева В.С. «Оправдание добра»

Несостоятельность ортодоксальной политической экономии (либеральной или, точнее, анархической) заключается в том, что она принципиально отделяет область хозяйственную от нравственной, а несостоятельность всякого социализма заключается в том, что он допускает между этими двумя различными нераздельными областями более или менее полное *смешение* или ложное единство.

II

Безнравственно по существу всякое практическое утверждение чего-нибудь вне его должной связи или соотношения со всем. Так, когда частная, обусловленная и потому зависимая деятельность утверждается сама по себе как безусловно самостоятельная и целая жизненная сфера, то такое утверждение, будучи в теории ложным, на деле безнравственно и может порождать только бедствия и грехи.

Признавать в человеке только деятеля экономического — производителя, собственника и потребителя вещественных благ — есть точка зрения ложная и безнравственная. Упомянутые функции не имеют сами по себе значения для человека и нисколько не выражают его существа и достоинства. Производительный труд, обладание и пользование его результатами представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, *как и для чего* человек действует в этой определенной области. Как свободная игра химических процессов может происходить только в трупе, а в живом теле эти процессы связаны и определены целями органическими, точно так свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущее хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, и провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer* значит говорить обществу: *умри и разлагайся!*

Конечно, в основе всей этой экономической области лежит нечто простое и роковое, само по себе из нравственного начала не вытекающее, — необходимость труда для поддержания своего существования. Нет, однако, и не было такого неизменного состояния в жизни человечества, когда эта простая материальная необходимость не осложнялась бы нравственным вопросом. Нужда заставляет дикаря полузверя промышленя себе средства к жизни, но при этом он может или думать только о себе одном, или же в свою нужду включать также нужду своей самки и детенышей. Если лов был неудачен, он может поделиться с ними и скудной добычей, оставаясь сам впроголодь, или же может забрать все себе, а их бросить на произвол судьбы, или, наконец, может убить их с тем, чтобы наесться их мяса. Но на каком бы из этих способов действия он ни остановился, едва ли найдется такой правоверный служитель науки, который увидит здесь роковое действие политико-экономических «законов».

Хотя необходимость трудиться для добывания средств к жизни есть действительно нечто роковое, от человеческой воли независящее, но это есть только толчок, понуждающий человека к деятельности, дальнейший ход которой определяется уже причинами психологического и этического, а вовсе не экономического свойства. При некотором осложнении общественного строя не только результаты труда и способ пользования ими, не только «распределение» и «потребление», но и самый труд вызывается кроме житейской нужды еще другими побуждениями, не имеющими в себе ничего физически принудительного или рокового, например, чтобы назвать самые распространенные страсть к приобретению и жадной наслаждений. Так как не только нет экономического закона, которым бы определялась степень корыстолюбия и сластолюбия для всех людей, но нет и такого закона, в силу которого эти страсти были бы вообще неизбежно присущи человеку, как роковые мотивы его поступков, то, значит, поскольку экономические деятельности и отношения определяются этими душевными расположениями, они имеют свое основание *не* в экономической области и никаким «экономическим законам» *не* подчиняются с необходимостью.

Возьмем самый элементарный и наименее спорный из этих, так называемых, законов, именно тот, согласно которому цена товаров определяется отношением между спросом и предложением. Это значит: чем товар больше требуется и чем его при этом меньше налицо, тем он дороже стоит — и наоборот.

Представим себе, однако, богатого, но благотворительного товаровладельца, который решил при повысившемся от тех или других причин спросе на имеющийся у него в постоянном количестве предмет необходимого потребления не повышать цены, или даже понизить ее для блага нуждающихся ближних — это будет нарушением предполагаемого экономического «закона», а между тем при всей необычности такого явления, конечно, никто не найдет его невозможным или сверхъестественным.

Допустим, что если бы дело зависело только от доброй воли частных лиц, то можно было бы в области экономической смотреть на великодушные мотивы как на *quantite negligeable* и строить все на прочном основании своекорыстия. Но мы знаем, что во всяком обществе есть общая правительственная власть, непременное назначение которой состоит в ограничении частного своекорыстия, и мы знаем немало исторических примеров, когда в силу этого своего назначения такая власть не только отнимала у обычного и естественного (с точки зрения своекорыстия) порядка этот его обычный и естественный характер, но даже превращала прежде обычное прямо в невозможное, а прежним исключениям, напротив, давала силу всеобщей необходимости. Так, например, в течение двух с половиной веков в России помещики, отпускавшие на волю своих крестьян целыми общинами и при этом снабжавшие их земельным наделом, были самым редким, в высшей степени необыкновенным исключением, тогда как обыкновенный порядок или «закон» взаимных отношений между помещиками и крестьянами состоял в том, что последние вместе с землей составляли собственность первых. Но с замечательной быстротой и полнотой этот общий закон доброй волей правительства превращен был в практически невозможное беззаконие, а прежнее редкое исключение сделало безусловно обязательным правилом, уже не допускающим никаких исключений. Точно также исключительный случай торговца, не повышающего цену необходимого товара при усиленном спросе, превращается в общее правило, как только правительство находит нужным регулировать цены товаров; и тут это прямое нарушение мнимого «закона» становится действительным законом, хотя не «естественным», а положительным или государственным.

Нужно заметить, что при всем различии этих двух понятий — закона природы и закона положительного или государственного — последний, хотя и есть дело рук человеческих, уподобляется, однако, первому, поскольку в пределах своего действия имеет силу непреклонную, не допуская *никакого* непредвиденного исключения², тогда как мнимые экономические законы никогда такого значения не имеют и во всякий момент могут быть беспрепятственно нарушены и отменены нравственной волей человека. *Ни один*, безусловно, помещик в России, в силу закона 1861 г., не может теперь продавать или покупать крестьян иначе, как в сновидении, тогда как с другой стороны ничто не препятствует любому добродетельному петербургскому домовладельцу даже наяву, *вопреки* «закону» об отношении спроса к предложению, понизить цену на квартиры в целях чисто филантропических, и если весьма немногие пользуются случаем это сделать, то это доказывает никак не силу экономики, а только слабость добродетели у этих лиц; ибо как только этот недостаток личного человеколюбия будет восполнен требованием закона государственного, так цены сейчас же понизятся и «железная» необходимость экономических законов фазу окажется хрупкой как стекло. Эта очевидная истина признается в настоящее время писателями, совершенно чуждыми всякого социализма, как, например, Лавеле; а еще раньше Дж. Ст. Милль, желая сохранить за политической экономией характер точной науки и вместе с тем избежать слишком явного противоречия с действительностью,

² И прямое нарушение закона злой волей предвидено законом же как преступление, вызывающее по закону же соответственное наказание.

сочинил такой компромисс допуская, что экономическое *распределение* продуктов труда зависит от человеческой воли и может подлежать ее нравственным целям, он настаивал на том, что *производство* всецело подчиняется экономическим законам, имеющим здесь силу законов естественных; как будто производство совершается не в тех же самых общих условиях и зависит не от тех же самых сил и деятелей человеческих, как и распределение. Впрочем, эта противонаучная, схоластическая дистинкция не имела успеха и была одинаково отвергнута обеими сторонами, между которыми Милль думал через нее занять посредствующее положение.

Само собой разумеется, что свобода человека как личности и как общества от предполагаемых естественных законов материально-экономического порядка не находится ни в какой прямой связи с метафизическим вопросом о свободе воли. Утверждая, например, свободу петербургского домовладельца от мнимого закона, определяющего цены отношением спроса к предложению, я вовсе не разумею, что всякий из этих домовладельцев, *каков бы он ни был* сам по себе, может сейчас понизить цену своих квартир при усилившемся спросе на них, я стою только за ту очевидную истину, что при *достаточной силе* нравственных побуждений у данного лица, частного и тем более правительственного, никакая предполагаемая экономическая необходимость не помешает ему подчинить материальные соображения нравственным в том или другом деле, а отсюда логически следует, что никаких естественных законов, действующих независимо от качества воли данных лиц, в этой области вовсе не существует. Я не отрицаю закономерности человеческих действий, а возражаю только против выдуманного сто лет тому назад особого рода закономерности материально-экономической, независимой от общих условий психологической и нравственной мотивации. Все, что существует в предметах и явлениях экономической области, происходит, с одной стороны, от внешней природы и подчинено в силу этого материальной необходимости (механическим, химическим, биологическим законам), а с другой стороны, определяется действием человека, которое подчинено необходимости психологической и нравственной; и так как никакой еще причинности, кроме природной и человеческой, нельзя найти в предметах и явлениях экономического порядка, то, значит, никакой еще особой самостоятельной необходимости и закономерности здесь нет и быть не может.

Указание на тот факт, что недостаток нравственных побуждений у частных лиц успешно восполняется государственным законодательством, которое упорядочивает экономические отношения в нравственном смысле в видах общего блага, — не предрешает вопроса о том, в какой мере и в какой форме желательно такое упорядочение для будущего. Несомненно только то, что сами факты государственного воздействия в этой области (например, законодательное регулирование цен) непреложно доказывают, что данные экономические отношения не выражают собой никакой естественной необходимости; ибо ясно, что законы природы не могли бы быть отменены законами государственными.

III

Так как подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, *от себя действующим* экономическим законам есть лишь вымысел плохой метафизики, не имеющий и тени основания в действительности, то в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в хозяйственной своей жизни общество было организованным осуществлением добра.

Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может, потому что явления хозяйственного порядка мыслимы только как деятельности человека — существа нравственного и способного подчинять все свои действия мотивам чистого добра. Самостоятельный и безусловный закон для человека, как такового, один — нравственный, и необходимость одна — нравственная. Особенность и

самостоятельность хозяйственной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое своеобразное *поприще* для применения единого нравственного закона, как земля отличается от других планет не тем, что имеет какой-нибудь свой самобытный источник света (чего у нее в действительности нет), а только тем, что по своему месту в солнечной системе она особым определенным образом воспринимает и отражает единый общий свет солнца.

С этой истиной сталкиваются и разбиваются о нее не только теории школьных экономистов, но и противоположные им, на первый взгляд, стремления социалистов. В своей критике существующего экономического строя, в своих декламациях против имущественного неравенства, против своекорыстия и бесчеловечия богатых классов социалисты как будто становятся на точку зрения нравственного начала и воодушевляются добрым чувством жалости к нуждающимся и обремененным. Но если обратиться к положительной стороне их воззрения, то мы легко увидим, что оно находилось сперва в двусмысленном, а затем перешло прямо во враждебное отношение к нравственному началу.

Глубочайшая основа социализма впервые выражена в замечательном учении сенсимонистов, провозгласивших своим девизом восстановление прав (реабилитацию) материи в жизни человечества. Конечно, материя имеет права, и чем менее эти права уважаются в принципе, тем более они дают себя знать на деле. Но в чем же состоят эти права? Их можно понимать не только в различных, но и в прямо противоположных смыслах. Область материальных отношений (ближайшим образом экономических) имеет право на то, чтобы стать предметом нравственного действия человека, имеет право на осуществление или воплощение в ней высшего духовного начала, *материя имеет право на свое одухотворение* — вот первый смысл этого принципа — смысл совершенно истинный и в высшей степени важный. Было бы несправедливо утверждать, что этому смыслу оставались вполне чужды первоначальные системы социализма, но они на нем не сосредоточились, не развили его, и очень скоро этот проблеск лучшего сознания оказался только обманчивым огоньком над тем болотом плотских страстей, которое понемногу втянуло в себя столько благородных и вдохновенных душ.

По другому и более распространенному смыслу провозглашенной идеи о правах материи фактическое падение сенсимонистов получает прямое оправдание и возводится в принцип: материальная жизнь человечества не есть лишь особая область действия или применения нравственных начал, а имеет и в человеке и для него свое собственное, совершенно самостоятельное и полноправное материальное начало — инстинкта или страсти, которому должен быть предоставлен полный простор так, чтобы нормальный общественный порядок естественно вытекал из взаимного восполнения и чередования личных страстей интересов (основная мысль Фурье).

При этом уже нет ни возможности, ни надобности, чтобы этот «нормальный» порядок был порядком нравственным. Отчуждение от высших духовных интересов становится необходимым как только признается за материальной стороной жизни человеческой особое самостоятельное и принципиальное значение. Нельзя служить двум господам, и господствующее положение в социализме, естественно, достается тому началу, под знаменем которого выступило все это движение, т. е. началу материальному, ему всецело подчиняется область отношений экономических, которая затем признается главной, основной, единственно реальной, все определяющей в жизни человечества. В этом пункте исчезает *внутреннее* различие между социализмом и враждебной ему буржуазной экономией.

По правде, если современное состояние образованного мира ненормально в нравственном смысле, то виной этого не то или другое учреждение само по себе, а общее понимание и направление жизни в современном обществе, в силу которых главным делом все более и более становится вещественное богатство, и сам общественный, строй решительно превращается в *плутократию*. Общественная безнравственность заключается не в индивидуальной и наследственной собственности, не в разделении труда и капитала, не в неравенстве имуществ, а именно в плутократии, которая есть извращение должного

общественного порядка, возведение низшей и служебной по существу области - экономической — на степень высшей и господствующей и низведение всего остального до значения средства и орудия материальных выгод. Но к этому извращению, только с другой стороны, приводит и социализм. Если для представителя плутократии нормальный человек есть прежде всего капиталист, а потом уже — *per accidens*, гражданин, семьянин, образованный человек, член какого-нибудь религиозного союза, то ведь и с точки зрения социализма все остальные интересы теряют значение, отступают на задний план, если не совсем исчезают, перед интересом экономическим, и здесь также низшая (по природе своей) материальная область жизни, промышленная деятельность становится решительно преобладающей, закрывает собой все остальное. То обстоятельство, что социализм изначала, даже в самых идеалистических своих выражениях, ставит нравственное совершенство общества в прямую и всецелую зависимость от его хозяйственного строя и хочет достигнуть нравственного преобразования или перерождения исключительно лишь путем экономического переворота, ясно показывает, что он в сущности стоит на одной и той же почве с враждебным ему мещанским царством — на почве господства материального интереса. У обеих сторон один и тот же девиз: «Хлебом едином жив будет человек». Если для представителя плутократии значение человека зависит от обладания вещественным богатством в качестве собственника или приобретателя, то для последовательного социалиста точно также человек имеет значение лишь как обладатель материального благосостояния, но только в качестве производителя; и здесь, и там человек берется как экономический деятель, отвлеченно от других сторон его существа, и здесь, и там окончательной целью и верховным благом признается экономическое благосостояние, и борьба между двумя враждебными станами не принципиальная, т. е. не из-за содержания принципа, а только из-за объема его осуществления: одних интересует материальный интерес капиталистического меньшинства, а других — материальный интерес рабочего большинства и, насколько само это большинство, сам рабочий класс начинает заботиться исключительно о своем материальном интересе, очевидно, и этот класс оказывается столь же своекорыстным и теряет всякое нравственное преимущество перед своими противниками. При этом социализм проводит в известном отношении принцип материального интереса с большею последовательностью и полнотой, нежели противная сторона. Если плутократия, искренно преданная лишь своему экономическому интересу, допускает, однако, хотя и с подчиненным значением, существование и других жизненных начал с соответствующими самостоятельными учреждениями, каковы государство и церковь, то социализм в своем чистом выражении решительно отрицает все это: для него человек есть исключительно только производитель и потребитель, и общество человеческое — только экономический союз, — союз рабочих-хозяев без всяких других существенных различий; и если *преобладание* вещественных интересов — хозяйственного, промышленного и финансового элемента составляет отличительную черту буржуазии или мещанского царства, то последовательный социализм, который хочет окончательно ограничить жизнь человечества исключительно этими низшими интересами, никак не есть антитеза, а лишь крайнее выражение, последнее заключение односторонней буржуазной цивилизации.

Социалисты и их видимые противники — представители плутократии — бессознательно подают друг другу руку в самом существенном. Плутократия своекорыстно подчиняет себе народные массы, распоряжается ими в свою пользу, потому что видит в них лишь рабочую силу, лишь производителей вещественного богатства; социализм протестует против такой «эксплуатации», но этот протест поверхностен, лишен принципиального основания; ибо сам социализм окончательно признает в человеке *только* (или во всяком случае более и прежде всего) экономического деятеля, а в этом качестве нет ничего такого, что *по существу* должно бы было ограждать человека от всякой эксплуатации. С другой стороны, то исключительное значение, которое в современном мещанском царстве принадлежит материальному богатству, естественно побуждает прямых производителей этого богатства — рабочие классы — к требованию равномерного пользования теми благами,

которые без них не могли бы существовать и на которые их приучают смотреть как на самое важное в жизни, так что сами господствующие классы своим практическим материализмом вызывают и оправдывают в подчиненных рабочих классах социалистические стремления. А когда испуг перед социальной революцией вызывает у плутократов неискреннее обращение к идеальным началам, то оно оказывается бесполезной игрой: наскоро надетые маски морали и религии не обманут народных масс, которые хорошо чувствуют, где настоящий культ их господ³, и, усвоив этот культ от своих хозяев, рабочие, естественно, сами хотят быть в нем жрецами, а не жертвами.

Обе враждебные стороны обуславливают себя взаимно и не могут выйти из ложного круга, пока не признают и не примут на деле простого и несомненного, но ими забытого положения, что значение человека, а следовательно, и человеческого общества, не определяется по существу экономическими отношениями, что человек не есть прежде всего производитель материальных полезностей или рыночных ценностей, а нечто гораздо более важное, и что, следовательно, общество также есть нечто большее, чем хозяйственный союз⁴.

IV

Для истинного решения так называемого «социального вопроса», прежде всего следует признать, что норма экономических отношений заключается не в них самих, а в том, что они подлежат общей нравственной норме, как особая область ее приложения. Троединое нравственное начало, определяющее наше должное положение относительно Бога, людей и материальной природы, находит свое всецелое и нераздельное применение в области экономической, причем по особому свойству этой области получает особое значение последний член нравственного триединства — отношение к материальной природе, или к *земле* (в широком смысле этого слова). Нравственный характер это третье отношение может иметь только тогда, когда оно не обособляется от двух первых, а обуславливается ими в их нормальном положении.

Область экономических отношений по содержанию своему исчерпывается общими понятиями *производства* (труда и капитала), *распределения* собственности и *обмена* ценностей. Разберем эти основные понятия с точки зрения нравственной, начиная с самого основного из них — понятия *труда*. Мы знаем, что первый толчок к труду дается материальной необходимостью, но для человека, признающего над собой безусловно совершенное начало действительности или волю Божию, всякая необходимость есть выражение этой воли. С этой стороны труд есть *заповедь* Божия. Эта заповедь требует, чтобы мы с усилием (в поте лица) воздвигали землю, т. е. обрабатывали материальную природу. Для кого? Во-первых, для себя и для своих ближних. Этот ответ ясный на самых элементарных ступенях нравственного состояния, конечно, сохраняет свою силу и при дальнейшем развитии, причем только понятие «ближних» расширяется в своем объеме.

³ Несколько лет тому назад появился, но прошел незамеченным удивительно характерный образчик плутократического лицемерия — статья известного Жюль Симона о трех главных бедствиях современного общества: упадке религии, семьи и *ренды!* О религии и семье говорится вяло и туманно, но строки о каком-то понижении процента с капитала (если не ошибаюсь, с 4% на 2,5%) были написаны кровью сердца.

⁴ Эти указания на то, что социализм и плутократия совпадают в общем для них материалистическом принципе, высказанные мною восемнадцать лет тому назад (в XIV главе «Критики отвлеченных начал», появившейся сперва в «Русском Вестнике» 1878 г.), вызвали против меня упреки в неверном представлении и несправедливой оценке социализма. Теперь я могу не отвечать на эти упреки, так как они блистательно опровергнуты дальнейшей историей самого социалистического движения, которое теперь в главном русле своем решительно определилось как *экономический материализм*.

Первоначально мои ближние только те, с которыми я связан кровным родством или личным чувством, а под конец это — все. Самый талантливый из представителей экономического индивидуализма — Бастиа, защищая принцип «каждый для себя», отделяется от упрека в эгоизме указанием на ту экономическую гармонию, в силу которой каждый, заботясь только о себе (и о своих), невольно по самой природе общественных отношений работает и на пользу всех, так что личный интерес на деле гармонирует с общим. Но это во всяком случае была бы лишь та натуральная гармония, по которой, например, известные насекомые, думая только о сладкой пище для себя, невольно способствуют оплодотворению растений, перенося их пыльцу куда следует. Такая гармония свидетельствует, конечно, о премудрости Творца, но не делает из насекомых нравственных существ. Человек же *есть* нравственное существо, а потому натуральная солидарность для него недостаточна: он должен не только трудиться для всех, участвовать в общем деле, но еще *знать* и *хотеть* такого участия. Кто отказывается признать эту истину в принципе, тот почувствует ее фактическую силу в финансовых крахах и хозяйственных кризисах. Ведь и виновники и жертвы этих аномалий именно такие люди, которые трудятся для себя, — отчего же естественная гармония не согласовала их интересов и не упрочила их благосостояния? Значит для того, чтобы всякий трудящийся трудился для себя, а вместе с тем и для всех, недостаточно естественной связи экономических отношений, а нужно *сознательное направление их к общему благу*.

Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение труда — значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди, делать его чем-то случайным. Если я тружусь только для благосостояния своего, раз я имею возможность достигать этого благосостояния помимо труда, я тем самым теряю единственное (с этой точки зрения) побуждение к труду. А если бы оказалось, что целый класс или группа людей могут благоденствовать посредством хищений, обманов, эксплуатации чужого труда, то что же этому можно было бы противопоставить принципиально с точки зрения свободного своекорыстия? Естественную гармонию, которая упразднит такие злоупотребления? Но где же была эта естественная гармония в долгие века рабства, феодализма, крепостного права? Или, может быть, кровопролитные междоусобицы, упразднившие феодализм в Европе и рабство в Америке, были немного запоздалым выражением естественной гармонии? Но в таком случае не видно, чем же эта гармония отличается от дисгармонии и чем свобода гильотины лучше стеснений государственного социализма. Если же естественная гармония, понимаемая в серьезном смысле, оказывается недостаточной против экономических злоупотреблений свободного своекорыстия со стороны лиц и классов, и приходится прибегнуть к ограничениям этой свободы во имя высшей правды, то позволительно ли и благородно ли вспоминать о правде только в крайнем случае, ставить ее в конце, а не в начале общественного устройства? Не только непозволительно и неблагородно, но и бесполезно. Ибо такая нравственность *ex machina* никакой внушительной и пленительной силы не имеет, никто ей не поверит, никого она ни от чего не удержит и останется одно только голое принуждение сегодня в одну сторону, завтра в другую.

Принцип индивидуальной свободы интересов, когда усваивается сильными, не заставляет их сильнее трудиться, а порождает древнее рабовладельчество, средневековое господское право и современное экономическое кулачество или плутократию. Усвоенный слабыми, которые, однако, сильны как большинство, как масса, этот принцип свободного своекорыстия не заставляет их *дружнее* работать, а создает только почву завистливого недовольства, на которой затем вырастают бомбы анархистов. Бастиа, охотно выражавший свои мысли в популярных диалогах, если бы дожил до наших дней, мог бы сам играть главную роль в таком, например, разговоре:

Анархист. Из особого благорасположения к вам, г. Бастиа, предупреждаю вас: убирайтесь отсюда куда-нибудь подальше, ибо я намерен немедленно взорвать эту местность по случаю присутствия в ней разных тиранов и эксплуататоров.

Бастиа. Какое ужасное положение! Но подумайте: ведь вы окончательно компрометируете принцип человеческой свободы!

Анархист. Напротив — мы его осуществляем.

Бастиа. Кто внушил вам эти адские идеи?

Анархист. Вы.

Бастиа. Какая неправдоподобная клевета!

Анархист. Нет, это точная истина. Мы — ваши ученики. Разве вы не доказывали, что корень всего зла есть вмешательство общественной власти в свободную игру единичных интересов, разве вы не осуждали беспощадно всякую намеренную организацию труда, всякий принудительный общественный порядок? Но то, что осуждено как зло, должно быть разрушено. Мы претворяем в дело ваши слова и избавляем вас от черной работы.

Бастиа. Я боролся только против государственного вмешательства в экономическую жизнь и против искусственной организации труда, выдуманной социалистами.

Анархист. Нам нет дела до социалистов; если они фантазируют, тем хуже для них. Мы не фантазируем. Мы восстаем против одной только организации — против той, которая действительно существует и называется общественным порядком. Эти города и фабрики, биржи и академии, администрация, полиция, войско, церковь — разве все это из земли выросло, разве это не произведения искусственной организации? Значит, по нашему, все это есть зло и должно быть уничтожено...

Бастиа. Если бы и так, то во всяком случае не путем насилий и бедствий!

Анархист. Что такое бедствие? Вы же прекрасно объяснили, что из кажущихся бедствий выходит действительное общее благо, вы во всех случаях так остроумно различали между тем неважным, *что видно*, и тем важным, *чего не видеть*. В настоящем случае то, что видно — это летящие коробки от сардинок, разрушенные здания, изуродованные трупы — это видно, но не важно; а то, чего не видно и что есть единственно важное — это будущее человечество, в котором не будет уже никакого «вмешательства» и никакой «организации», — за истреблением тех лиц, учреждений и классов, которые могли бы вмешиваться и организовывать. Вы проповедовали принцип анархии, мы произведем анархию на деле...

Бастиа. Жандарм, жандарм! хватайте его скорее, пока он нас с вами не взорвал. Что же вы? О чем вы размышляете?

Жандарм. Я размышляю вот о чем. С точки зрения свободного индивидуального интереса, на которую я тоже стал, прочтя ваши красноречивые доводы, что для меня выгоднее: взять ли этого молодца за шиворот или же поскорее вступить с ним в естественную гармонию интересов?

V

Вопреки мнимой экономической гармонии очевидность заставляет признать, что, исходя из частного материального интереса, как цели труда, мы приходим не к общему благу, а только к общему раздору и разрушению. Напротив, идея общего блага в истинном, нравственном смысле, т. е. блага всех и каждого, а не большинства только, идея такого блага, поставленного как принцип и цель труда, заключает в себе и удовлетворение всякого частного интереса в его должных пределах.

Если с нравственной точки зрения всякий человек — будь он земледельцем, писателем или банкиром, — должен трудиться с сознанием и желанием общепольности своего труда, если он должен смотреть на него, как на обязанность — исполнения воли Божией и служения всеобщему благосостоянию ближних, то эта обязанность, именно как всеобщая, предполагает, что все таким же образом должны относиться к этому человеку, т. е. ставить его не как орудие только, но и как предмет или цель общей деятельности, что общество имеет обязанность признавать и обеспечивать *право* каждого на самостоятельное пользование — для себя и для своих — *достойным* человеческим существованием. Достойное существование возможно при добровольной нищете — той, которую проповедовал Св. Франциск и в которой живут наши странствующие богомольцы; но оно делается невозможным при такой работе, в которой все значение человека сводится к роли простого

орудия для производства или перемещения вещественных богатств. Вот, например: «Смотрим на работу крючников; несчастные, полуголые татары выбиваются из сил; больно смотреть, как сразу оседает согнутая спина под грузом от 8 до 18 пудов (я не преувеличиваю в последней цифре); этот каторжный труд оплачивается пятью рублями с тысячи пудов. Крючник может заработать максимум рубль в сутки, неся работу вола и непременно надрывая свои силы; более 10 лет такой каторги редко кто выдерживает, и двуногие вьючные животные делаются калеками, паралитиками...» («Новое Время» № 7356). Кто не видал волжских «крючников», тот, наверное, видел в больших гостиницах «коридорных», которые, задыхаясь и надрываясь, тащат многопудовые сундуки на четвертый или пятый этаж. И это в век машин и всяких утонченностей! Никого не поражает наглядная несообразность: приезжает в гостиницу постоялец с поклажей; хотя ему самому взойти на лестницу было бы только полезным упражнением, но он садится в подъемную машину, а вещи его, для которых, казалось бы, машина именно и предназначена, взваливаются на спину «коридорного», который таким образом оказывается даже не орудием другого человека, а орудием его вещей, орудием орудия!

Кроме тех случаев, когда труд несовместим с человеческим достоинством по своему исключительно и грубо механическому характеру и по чрезмерному напряжению мускульной силы, которого он требует, такая же несовместимость с человеческим достоинством или безнравственность работы должна быть признана и тогда, когда труд, сам по себе не тяжелый и не унижительный, по своей ежедневной продолжительности поглощает *все* время и *все* силы рабочего, так что те немногие часы, которые прерывают работу, необходимо отдаются физическому отдыху, а для мыслей и забот идеального и духовного порядка не остается времени и сил⁵. Кроме часов отдыха существуют, конечно, целые дни отдыха — воскресенье и другие праздники. Но истощающий и притупляющий физический труд, которым заняты все будни, вызывает в праздник естественную реакцию — потребность разгула и самозабвения, которым и отдаются эти дни.

«Но не будем долго останавливаться на впечатлении, которое производят отдельные, хотя бы и многочисленные факты, доступные нашему наблюдению. Обратимся к статистике и спросим ее, насколько заработная плата удовлетворяет необходимые потребности работника? Оставляя в стороне размеры заработной платы в разных видах труда, качество пищи, размеры жилища, мы спросим статистику только о продолжительности жизни людей в зависимости от их занятий. На что мы получаем такой ответ: сапожники живут в среднем 49 лет, книгопечатники — 48,3, портные — 46,6, столяры — 44,7, кузнецы — 41,8, токари — 41,6, каменотесы — 33. А средняя жизнь чиновников, капиталистов, духовных, оптовых торговцев составляет 60—69 лет⁶.

Возьмем данные о смертности в зависимости от размеров жилищ и высоты квартирной платы по частям города — и мы найдем, что в местностях города, населенных бедными, преимущественно рабочими людьми с низкой квартирной платой, смертность гораздо выше, нежели в частях города с относительно большим числом богатых обитателей. Для Парижа эту связь установил Вилларме еще в 20-х годах настоящего века: он вычислил, что за пятилетие (1822—26 гг.) во II округе Парижа со средней годовой платой за квартиру в 605 франков 1 умерший приходился на 71 жителя, а в XII, со средней квартирной платой в 148 фр., умирал 1 из 44. Однородные данные имеем мы и для многих других городов, в том числе и для Петербурга⁷. Отсюда выводится следующее справедливое заключение: «Кто не считает работника орудием производства, а признает в нем, как и в каждом человеке,

⁵ Кондукторы конно-железных дорог, например, в Петербурге работают более 18 часов в сутки за плату в 25 или 30 рублей в месяц (см. «Новое Время» № 7357).

⁶ Цитируемый автор ссылается здесь на Haushofer, Lehrbuch der Statistik. Все приведенные цифры относятся, по-видимому, к Западной Европе.

⁷ А.А. Исаев. Начала политической экономии, изд. 2-е, стр. 254-255.

свободную и самоцельную личность, тот не может считать нормальной среднюю жизнь в 40 лет, если люди зажиточных классов доживают в среднем до 60 — 70. Эту, возможно, долгую в современных общественных условиях жизнь мы считаем нормальной. Всякое отклонение от этого уровня вниз, если оно не может быть объяснено особенностями данных занятий, должно быть приписано только чрезмерному труду и недостаточному доходу, не позволяющему покрыть самые необходимые потребности, удовлетворить наименьшие требования гигиены относительно пищи, одежды и жилища»⁸.

Безусловное значение человека основано, как мы знаем, на лежащей в его разуме и воле *возможности* бесконечного совершенствования, или, по выражению отцов церкви, обожествления. Эта возможность не переходит у нас в действительность непосредственно, одним полным актом, потому что тогда человек был бы уже равен Богу, что противно истине, — эта внутренняя потенция *становится* все более и более действительностью, для чего требуются определенные реальные условия. Обыкновенный человек, на многие годы оставленный на необитаемом острове или в абсолютно одиночном заключении, не только лишен возможности улучшаться умственно и нравственно, но обнаруживает, как известно, быстрый прогресс в направлении к явному звероподобию. Также, в сущности, и человек, всецело поглощенный материальной работой, если не впадает в полное одичание, то во всяком случае не может уже думать о деятельном осуществлении своего высшего человеческого значения. Итак, с нравственной точки зрения, требуется, чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию (т. е. одежду и жилище с теплом и воздухом) и достаточный физический *отдых*, но чтобы он мог также пользоваться и *досугом* для своего духовного совершенствования. Это и *только это* требуется *безусловно* для всякого крестьянина и рабочего, *лишнее же от лукавого*.

Противники нравственного улучшения социально-экономических отношений утверждают, что так как для доставления рабочим сверх обеспеченного материального существования еще досуга для возможного обеспечения их умственного и нравственного развития потребуется, не понижая заработной платы, сократить число рабочих часов, то это приведет и к сокращению производства, т. е. экономическому упадку или регрессу. Допустим *пока*, что сокращение рабочих часов при той же заработной плате действительно ведет неизбежно к сокращению производства. Но почему *временное (однократное)* сокращение производства есть непременно упадок или регресс? Ведь после приведения рабочего времени к известной норме положительные причины, обуславливающие увеличение производства, каковы: технические усовершенствования, пространственное сближение областей и стран вследствие новых путей сообщения и бытовое сближение различных классов — все эти причины, вполне или отчасти независимые от заработной платы и рабочего времени, будут продолжать свое действие, и общее количество производства опять начнет возрастать; даже и в то время, когда это возрастание еще не достигнет прежнего уровня, производство предметов жизненной необходимости для отдельных людей и для государства, очевидно, не сократится, и все сокращение падет только на предметы роскоши. Но какая же грозит беда обществу от того, что золотые часы, атласные юбки и бархатные стулья будут вдвое или хотя бы втрое дороже? Но, скажут, уменьшение рабочего времени при той же плате есть прямой убыток для предпринимателей. Без убытков для кого-нибудь нельзя вообще ничего сделать, но можно ли считать бедствием и обидой то обстоятельство, что некоторые капиталисты-фабриканты вместо миллиона будут получать полмиллиона, вместо ста тысяч — пятьдесят? Разве этот, без сомнения необходимый и важный общественный класс непременно должен состоять из людей скупых, жадных и своекорыстных? Я знаю капиталистов, совершенно свободных от такого порока, а те, которые ему подвержены, имеют право на то, чтобы общество их пожалело и не потворствовало такому ненормальному и опасному состоянию их душ.

Хотя бы социалистические декламации против богатых, внушаемые низменной

⁸ Там же, стр. 226.

завистью, противны до тошноты, требования уравнивания имуществ неосновательны до нелепости⁹¹. Но одно дело — нападать на частное богатство, как на какое-то зло само по себе, и другое дело — требовать, чтобы это богатство, как благо относительное, было согласовано с общим благом в смысле безусловного нравственного начала; одно дело стремиться к невозможному и ненужному уравниванию имуществ, а другое дело — при сохранении имущественного превосходства за тем, кто его имеет, признавать за всеми право на необходимые средства для достойного человеческого существования.

Помимо неверных заключений, которые выводятся противниками нравственного упорядочения хозяйственных отношений из их основного утверждения, правы ли они в самом этом утверждении, то есть, нормирование рабочего времени и заработной платы непременно ли сокращает на некоторое время данное производство (хотя бы предметов роскоши) и причиняет соответствующий убыток фабрикантам? Это было бы так, если бы количество (не говоря уже о качестве) производства зависело всецело от числа часов, на него потраченных. Но какой же мыслящий и добросовестный политик-экономист решится серьезно утверждать такую чудовищную нелепость? Легко понять, что истощенный, отупелый и ожесточенный от непосильного труда работник может произвести за 16 часов меньше, чем произведет за 8 часов, если он будет работать бодро, усердно, с сознанием своего человеческого достоинства и с уверенностью в своей нравственной солидарной связи с обществом или государством, которое не эксплуатирует его, а заботится о нем. Таким образом, нравственное упорядочение экономических отношений было бы вместе с тем и экономическим прогрессом.

---

⁹ Диаметральная противоположность между социализмом и христианством была много раз отмечаема, но ее сущность большею частью ошибочно понимается. Более остроумно, нежели глубоко, ходячее замечание, что социализм требует, чтобы бедные отнимали у богатых, тогда как Евангелие хочет, чтобы богатые давали бедным. Противоположность лежит гораздо глубже, в нравственном отношении к самим богатым: социализм им *завидует*, а Евангелие их *жалеет*, жалеет в виду тех препятствий, которые связь с Маммоном полагает для нравственного совершенствования: трудно богатым войти в Царствие Божие. Между тем социализм само это царство, т.е. высшее благо и блаженство, полагает не в чем ином, как именно в богатстве, только иначе распределенном. То, что для одного есть препятствие, то для другого есть цель: если это не антитеза, то я не знаю, что назвать этим именем.